

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)

№ 223 (6469) 14 августа 1935 г., среда ЦЕНА 10 КОП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

VII Всемирный конгресс Коминтерна:
Вчера на утреннем заседании конгресс заслушал заключительное слово тов. Георгия Димитрова.
На вечернем заседании с докладом «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны» выступил тов. Эрзоли.

XV международный конгресс физиологов в Ленинграде:
12 августа на железных дорогах Союза погружено 72.025 вагонов—102,9 проц. плана.
НА ПАРТИЙНЫЕ ТЕМЫ: Убеждение—главный метод большевистского руководства; А. Козлов—Странно живут коммунисты в Кушевке; Н. Позитун—Хулиган в «домашнем халате».

СТАТЬЯ: Фриц Давид—От Рема к Гельдору.
И. Макарьев—Лен.
А. Кошкарев—Искусственное волокно.
А. Аграновский—Лучшая в Союзе.
С. Диковский—Авиационный клуб.
МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН: Михаил Голубый—О начальнике милиции, бюрократе Замойтайло и о беспризорном Пинтее Иване.

Проверять так, как учит Центральный Комитет

Три месяца назад Центральный Комитет ВКП(б) категорически предложил партийным организациям навести образцовый порядок в «партийном доме». Порядка этого не было. В учете коммунистов, в выдаче партийных билетов, в работе партийных организаций царил невероятный хаос. Учетом занимались, как правило, технические работники, а руководители партийных организаций самоустранились от этой обязанности. Партийный билет, важнейший документ, с поразительной легкостью выдавался в некоторых партийных организациях кому попало, часто случайным, а иногда и прямо враждебным людям.

Классовый враг, выбитый из колеи, разбитый, но не добитый окончательно, изодранный в борьбе с партией, с советской властью, продолжает свои руки к партийному билету. Он понимает, что такое партийный билет коммунистической партии в стране, где эта партия находится у власти. Но этого не понимают, не осознают, некоторые партийные руководители, которые дают возможность классовому врагу получить партийный билет.

И даже теперь, когда вся партия занята проверкой и приведением в порядок своего «хозяйства», находятся люди, которые не понимают всей политической значимости этого дела. Они рассматривают проверку партийных документов как очередную кампанию, которую надо скорее «провернуть».

ЦК ВКП(б) в своем решении, опубликованном вчера в «Правде», отменил проверку документов в Молдавской организации и предложил провести ее вторично. С утверждения ЦК отменена также и проводится вторично проверка по всей Винницкой области и некоторым районам Узбекистана. О чем говорят эти факты? О том, прежде всего, что партия рассматривает проверку документов как серьезнейшее и ответственное политическое дело. Это не техническая свертка документов, как это понимали в Молдавии и где проверка документов, как указывал ЦК, «не дала никаких результатов», где «райкомы до сих пор не знают, что такое партийный билет, не принимают мер к очищению рядов партии от людей, обманувших путем заведомых партийных билетов, и партийная работа в области остается допущенной запущенной».

Проводимая сейчас работа — это не только проверка документов в узком смысле этого слова, проверка, разумеется, самая тщательная, глубокая и кропотливая. Это — проверка прошлого и настоящего коммуниста, его служебной биографии, путей его вступления в партию. Эта проверка — выявление людей, вступивших в партию в обход устава, разоблачение жуликов, обманувших путем заведомых партийных билетов, укрывших его у партии. Наконец, эта проверка — организация образцового партийного хозяйства, точного учета людей и их документов, организация хранения документов, защиты их от жуликов и проходимцев.

ЦК предупреждал, что те партийные руководители, которые в ближайшее время не устроят хаоса в партийном хозяйстве и не проведут как нужно проверку документов, будут подвергнуты суровой наказанию вплоть до исключения из партии. Однако не все руководители сделали вывод из этого предупреждения. Тем хуже для них. Наш сталинский Центральный Комитет, в самой природе которого заложена железная дисциплина и принципиальность и нетерпимость к либерализму всякого рода, заслуженно наказал виновных. Секретари райкомов Неверинского (Кубинский край) Федева и Частинского (Свердловская область) Устиновы исключены из партии. Оба эти секретари, вопреки директиве ЦК, сами не занимались проверкой документов, а передавали ее на подставных людей, в результате остались неразоблаченными жулики и проходимцы, проникшие в партию. Оба эти «коммунисты» поступили, как чиновники, как «фамусовы наших дней», механически, не глядя, подписывавшие бумаги.

Народный комиссар обороны тов. К. Е. Ворошилов вернулся в Москву

Вчера, 13 августа, вернулся в Москву народный комиссар обороны тов. К. Е. Ворошилов. Тов. Ворошилов осмотрел части Ленинградского военного округа и Балтийского флота, где провел ряд проверочных учений.

Восвоя подготовка частей, поверявшихся народным комиссаром, получила хорошую и отличную оценку.
Тов. Ворошилов посетил также ряд крупнейших ленинградских заводов, где ознакомился с ходом производства и выполнения программы. (ТАСС).

Вчера на конгрессе Коминтерна

УТРЕННЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 13 АВГУСТА

Восьмь дней длился пленум по докладу тов. Димитрова, по центральному вопросу порядка для конгресса — наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Выступил 76 ораторов — представители компартий самых различных стран мира. Вчера тов. Димитров подытожил эти обширные прения, характерной чертой которых является самокритика.

Зал наполнен до отказа делегатами и гостями. Все с нетерпением ждет заключительного слова антифашистского трибуна, блестящего и отважного большевистского стратега по борьбе с фашизмом. И оттого после продолжительных и бурных оценок в честь славного русского Коммунистического Интернационала в зале выпадает глубокая тишина, как только тов. Димитров начинает свое слово:

— Можно смело сказать, — заявляет он, — что ни на одном из предшествующих конгрессов Коммунистического Интернационала не обнаружилось такая идеологическая сплоченность и такое единство, как сейчас. Все существенные положения доклада встретили всеобщее одобрение конгресса.

Каковы предпосылки для разрешения поставленных задач?

Тов. Димитров указывает на 4 основных условия, необходимых для успешной борьбы с фашизмом.

Первое и основное из них — это умение пользоваться оружием конкретного марксистско-ленинского анализа. С будущим сарказмом тов. Димитров высмеивает тех, кто заменяет анализ живой действительности, конкретных условий голой, безжизненной формулой, надуманной схемой. От этой болезни, которой страдают еще многие коммунисты, надо решительно вылечиться.

Вторым условием успешной борьбы с фашизмом является укрепление революционных кадров. Третье условие — глубочайшее знание марксистско-ленинской теории и четвертое — умение организовывать массы для успешного проведения правильной тактики Коминтерна.

И здесь с той же страстностью тов. Димитров развенчивает схематиков и фразеров, начекистов и схоластов. Он говорит о ленинско-сталинском искусстве пропаганды в массах, о необходимости «научиться говорить с массами не языком книжной формулы, а тем языком борьбы за дело масс... где каждая мысль отражает думы и настроения миллионов».

Это — один из главных тезисов заключительного слова. Это — основное правило, с помощью которого тов. Димитров разбирает и критикует выступления отдельных ораторов. Бурными аплодисментами встречает зал слова тов. Димитрова: кое-какие товарищи напоминают «искусных» стрелков, которые систематически и без промаха бьют... мимо цели, понадеясь на выше ее, то ниже, то дальше, то ближе. Между тем, для победы революции нужны коммунисты-снайперы, которые бьют точно и всегда в цель.

И далее тов. Димитров разбирает конкретные условия в отдельных странах, условия, в зависимости от которых коммунисты должны строить тактику единого фронта.

Только правильный учет живой действительности, учет расстояния классовых сил дает возможность применять правильную тактику в борьбе за единый пролетарский фронт и международный антифашистский фронт и найти правильный ответ на злободневные вопросы: о роли социал-демократии и ее отношении к единому фронту, характере и условиях создания правительства единого фронта и антифашистского народного фронта и, наконец, об отношении к буржуазной демократии.

С точки зрения тактических задач Коминтерна важное значение имеет ответ на вопрос, является ли еще и где является социал-демократия главной опорой буржуазии в настоящий момент.

Необходимо иметь в виду, указывает тов. Димитров, что в ряде стран изменилось или меняется положение социал-демократии в буржуазном государстве и в известной степени также ее отношение к буржуазии.

Во-первых, кризис коренным образом расшатал положение даже наиболее обеспеченной своей рабочей массой, так называемой рабочей аристократии, на которую преимущественно опирается социал-демократия. И эти слои все более начинают рассматривать свои прежние взгляды о незыблемости политики классового сотрудничества с буржуазией.

Во-вторых, в ряде стран сама буржуазия вынуждена отказываться от буржуазной демократии и прибегать к террористической форме своей диктатуры, лишая социал-демократию не только ее прежнего положения в системе власти финансового капитала, но в определенных условиях и ее легальности.

Георги Димитров

В-третьих, под влиянием уроков поражения рабочих Германии, Австрии и Испании, являющихся главным образом результатом социал-демократической политики классового сотрудничества с буржуазией, и с другой стороны, под влиянием победы социализма в Советском Союзе в результате большевистской политики и применения живого революционного марксизма социал-демократические рабочие революционизируются и начинают их поворот к классовой борьбе против буржуазии.

— Мы сделаем все от нас зависящее, — говорит тов. Димитров, — чтобы тем действиям социал-демократических партий и организаций, которые искренне желают стать на революционную классовую позицию, облегчить совместную с нами работу и борьбу против классового врага. Но в то же время мы заявляем: те социал-демократические функционеры и рабочие, которые продолжают поддерживать раскольническую работу реакционных вождей социал-демократии, прямо или косвенно поощряют классового врага и тем самым берут на себя перед рабочими классами ответственность не меньшую, чем историческая ответственность тех, кто поддерживал социал-демократическую политику классового сотрудничества, политику, которая в ряде европейских стран погубила революцию 1918 года и распустила дорослу фашизму.

Особенно подробно тов. Димитров останавливается на вопросе об отношении к буржуазной демократии. Он указывает, что в некоторых компартиях, которые мобилизуют массы против наступления фашизма на права трудящихся, существует иллюзия, как бы в массах не сохранился «демократический иллюзионизм».

Откуда проистекает эта иллюзия? — спрашивает тов. Димитров. — Из неправильной идеалистической постановки вопроса об отношении к буржуазной демократии.

Являясь сторонниками советской демократии, коммунисты будут отстаивать каждую пядь демократических завоеваний, которые только упорной борьбой рабочего класса вырвал у эксплуататоров. Но в то же время надо помнить, что наше отношение к буржуазной демократии не остается одинаковым при всех условиях.

В момент пролетарской революции русские большевики боролись против буржуазной демократии, так как она стала знаменем мобилизации всех контрреволюционных сил для борьбы против диктатуры пролетариата. Совсем иное положение сейчас. Сейчас фашистская контрреволюция атакует буржуазную демократию, стремясь установить над трудящимися варварский фашистский режим несамых худших эксплуатационных и террора. Сейчас трудящиеся мас-

сам в ряде капиталистических стран приходится выбирать конкретно не между пролетарской диктатурой и буржуазной демократией, а между буржуазной демократией и фашизмом. В эпоху частичной стабилизации капитализма не было такой актуальной фашистской опасности, как в настоящее время. Тогда трудящиеся в ряде стран боролись против буржуазной диктатуры в форме буржуазной демократии, которая в интересах буржуазии урезывала экономические и социальные права рабочих, подавляла борьбу рабочего класса. Трудящиеся против этой буржуазной демократии открывали главный огонь.

Иной должна была быть тактика коммунистов в Германии, когда в 1932 году фашисты начали собирать на выборах миллионы голосов. Ошибка коммунистов в Германии заключалась в том, что они не ушли пролетарских изменений, а продолжали повторять те лозунги, которые были правильными для предыдущего периода, когда под знаменем Веймарской республики, как это было в 1920 году, группировались все германские контрреволюционеры.

— Некоторые считают, что борьба за демократические права может отвлекать рабочих от борьбы за пролетарскую диктатуру, — говорит тов. Димитров. — Это неверно. Еще тов. Ленин предостерегал нас против этой ошибки. Он говорил, что, «напротив, как демократический социализм, не осуществивший полной демократии, так не может подготовиться к победе над буржуазией пролетариат, не ведущий всесторонней, неслепой и революционной борьбы за демократию».

— Но для того, чтобы уметь улавливать борьбу за демократические права, — заключает тов. Димитров, — с борьбой рабочего класса за социализм, нужно прежде всего отрешиться от схематического подхода к вопросу о защите буржуазной демократии.

***

После небольшого перерыва тов. Димитров продолжает свое заключительное слово. Выработка правильной линии — важнейшее дело, но этого еще недостаточно для конкретного руководства классово-партийной. Организационно обеспечить проведение принятых решений, сделать их достоянием самых широких масс — вот что решает успех дела. Тов. Димитров приводит замечательные слова товарища Сталина на XVII съезде ВКП(б) о значении организационной работы, он черпает из богатейшей сокровищницы истории большевизма, он ссылается на политический и тактический гений Ленина и Сталина, заключавшийся в их мастерском умении подводить массы к пониманию линии партии.

Наша партия должна научиться говорить языком, доступным массам, говорит тов. Димитров. Он бесслесно бичует тех коммунистов, которые не умеют говорить с массами иначе, как высокопарными фразами, непонятными лозунгами и формулами.

— Когда пишешь и говоришь, надо всегда думать о том, для кого говоришь или пишешь, — подчеркивает тов. Димитров под всеобщее одобрение конгресса.

Большой раздел заключительного слова тов. Димитров посвятил вопросу о кадрах.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 13 АВГУСТА

Вечернее заседание конгресса было посвящено докладу по четвертому пункту порядка дня — о задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны.

Зал встречает рукоплесканиями и приветственными возгласами докладчика тов. Эрзоли, которому председательствующий тов. Торез предоставляет слово.

С величайшим вниманием слушают делегаты тщательно разработанный доклад на одну из главных тем современности, на тему об угрозе новой империалистической войны, о панисламизме над народами чудовищной военной катастрофы, которая давно бы

уже разразилась, если бы не политика мира, неумолимо и решительно продвигаемая страной Советов.

Социализм — это мир, фашизм — это война, — такой главный тезис доклада тов. Эрзоли, неоднократно повторяемый, особенно в части, посвященной рассмотрению мировой политики Советского Союза, шумными аплодисментами конгресса.

В 9 час. 45 минут заседание прерывается.

Сегодня на утреннем заседании будет заслушано окончание доклада тов. Эрзоли. Подробный отчет о докладе будет дан в завтрашнем номере «Правды».

Передовые комбайнеры совхозов Северного Кавказа, успешно закончившие уборку, едут в Западную Сибирь. (Слева направо): в первом ряду — тт. Яковлев (Прималкинский зерносовхоз) убрал 410 га, Сычев (Прималкинский зерносовхоз) убрал 410 га, Сиваля (Чеченский зерносовхоз) убрал 359 га, Богачев (Зерносовхоз «Балтийский рабочий») убрал 410 га, Яковлев (Ингушский зерносовхоз) убрал 438 га, Пархоменко (Чеченский зерносовхоз) убрал 342 га; во втором ряду — тт. Сероголаз (Зерносовхоз им. Ворошилова) убрал 376 га, Гончаренко (Зерносовхоз «Балтийский рабочий») убрал 367 га, Кутаков (Зерносовхоз им. Ворошилова) убрал 440 га и Шуваев (Ингушский зерносовхоз) убрал 303 га.

В ОСОБОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ...

Московских эстрадных артистов не оставили ни десяти дней пути по железной дороге, ни все остальные «пути», которые пришлось преодолеть и в верном, и на знаменитых таежных, и на автодрезинах, и на грузовиках.

У нашего Приморья есть одна особенность, незнакомая москвичам: приморский дождь.

Если к вам пойдут осторожно сзади и сразу вылить на вас ведро холодной воды, аналогия этого дождя будет найдена.

И вот, когда едешь по дорожке километров на открытой грунтовой по такой дожде, невольно думаешь: неужели «кожурное» соприкосновение будет? Когда в Москве на улицах только сыро, то администраторы Дома союзов с тоской смотрят на небо и говорят: «Опять эти сопраны поведут»...

Чудо перерождения актера в Армии начинается именно отсюда.

Когда вас встречают гремелины оркестра, выстрелыми караулами, криками «ура», когда вы знаете, что послать вас пришли порою пешком за 30 километров, когда, наконец, вы сами чувствуете, что ваш президиум сидит в ожидании, что вы придете, то вы чувствуете, что вы не совсем обычные, — то вдруг у вас происходит нечто неслыханное: начинают звучать голоса, танцоры «разогреваются» сами по себе, а акробаты, пренебрегая всеми цирковыми законами, «приходят» к двойному сагго на каменный пол без ковра.

Мы выехали на 40 дней шефской работы, включая время на дорогу. После первого же шефского концерта в Армии бригада постановила остаться еще на 20 дней сверх срока.

Какую-то своеобразную освежающую ванну — новой обстановкой, новыми, здоровыми взаимоотношениями — принимает человек, приезжающий в Армию.

Большинство товарищеская спайка бойцов с командиром, стальная дисциплина в Армии действуют заразительно. Мы не узнавали друг друга. Зарядку не только бодрили, но и творчески зарядку уносили каждый художник, побывавший в Особой Дальневосточной. Мы в долгу перед Армией!

И эстрадники, как могли, оплачивали этот долг.

Приказ командующего по Армии гласит:

«Бригада за короткий срок своего пребывания значительно перевыполнила свой план, поставила 54 концерта, обслужив наиболее трудные для работы гарнизоны, проявив высокий артистизм и любовь к Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Политуправление ОКДВА за выслугу и добросовестную и полную работу в трудных условиях всему составу бригады объявляет благодарность и награждает почетной грамотой ОКДВА».

Почему этих 54 концертов, эстрадники поработали и в помощь самостоятельному искусству в Армии.

Этому самостоятельному искусству в Особой Дальневосточной удалось совершить особое достижение.

Оно и понятно. Огромные пространства отдалены от центров культуры. Организация отдаленных культурных центров приобретает исключительное значение.

И Дальневосточная блещет на этом фронте так же, как на всех остальных.

Мы не видели таких сложных театральных постановок, таких бойких и веселых ансамблей — танцевальных и хористских, как в Особой. И жалко к новому, необычному, собиравшему в Армию, мы все были очень озабочены: лойет ли до бойцов обычный «городской» репертуар? Как-никак, думалось, аудитория, вероятно, «поплатится», надо бы и в репертуаре кое-какие «упрощения»...

Мы оказались неправыми. Чуткости и внимательности красноармейской аудитории может позавидовать самый изысканный слушатель столицы.

Тов. Артистка, которую мы выказали свое восхищение по этому поводу, объясняла нам это «тем общим ростом, который характерен для людей Советского Союза». В охоту Красной Армии на года в год приходят все более культурный молодой бой. С каждым годом все труднее становится угадать и нам за его ростом, удовлетворить его все растущие культурные требования.

Но рост культуры в Армии поражает не только чуткостью аудитории.

Исправившая у одного командира воячи:

— Неужели это все вы построили сами?!

— Товарищи, мы пришли сюда на голые места. Мы провели первую зиму в палатках. Мы не только построили это, но в нынешнем году посадили здесь десять тысяч деревьев и пятьдесят тысяч цветов...

И когда нам, эстрадникам, говорили и писали, что наше искусство, эстрада, — самое любимое в Армии искусство, уезжать не хотелось!

Мы возвращались обратно по беспредельным просторам нашей родины и думали: какое счастье, что у нас все «особое»!

Особая Армия, особая страна и, самое главное, совершенно особые люди...

Бригады шефской группы

Московских эстрадных артистов

НИИ. САМЫРОВ-СОКОЛЬСКИЙ.

1) Состав бригады: Н. Смирнов-Сокольский, Дуванкина, Шорина, Редель и Хрусталева, Лебедева, Коршункина, Светлана, Вильямс, Мосвицкий и Бонин.

ВСОДЕЦНАЯ ОЛИМПИАДА

ХУДОЖЕСТВЕННОЙ

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

СТАЛИНО, 13 августа. (Мор. «Правда»).

В Сталино, в парке культуры и отдыха им. Постышева, открылась всесоюзная олимпиада художественной самодеятельности рабочих Домов. На олимпиаду съехало около 3 тыс. участников — музыкантов, певцов, танцоров и художников.

В день открытия участники олимпиады демонстрировали рост самодеятельного искусства Домов.

Скрипки и флейты, песни и пляски передавались друг с другом. В первый же день олимпиады выступили 5 художественных коллективов, 3 хороших кружка, сводный оркестр Сталинского района в 150 человек, театрально-студийный ансамбль Тюркского завода, доморощенный кружок бандуристов со станции Мариуполь.

XV МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

ПРОБЛЕМА БОЛИ

ЛЕНИНГРАД, 13 августа. (Мор. «Правда»). Один из крупнейших советских физиологов — академик Л. А. Орбели выступил сегодня на пленуме конгресса с докладом на тему «Проблема боли и ее физиологические эффекты».

Этот чрезвычайно интересный доклад был с огромным вниманием выслушан делегатами конгресса. Физиологическое значение боли огромно и многогранно.

Большое значение в изучении проблемы боли сыграли исследования английского невролога Генри Хада. Хад различил новую чувствительность на две группы: 1) чувствительность болевую и грубую, температурную, и 2) чувствительность осязательную. Интересны отношения между этими двумя группами. Первая является более древней. Чувствительность же осязательная, по этим представлениям, является более поздней настройкой. При наличии только первого рода чувствительности боль принимает нетерпимый характер. Сохранение нервных проводников, обуславливающих чувствительность, помимо того, что оно умеряет боль, дает возможность ощущать место этой боли, локализовать ее.

Л. А. Орбели вместе со своими учениками перерезал собакам седалищный нерв на задних конечностях и затем наблюдал восстановление в них чувствительности. Здесь наблюдались те же стадии. Сначала восстанавливается древняя, болевая чувствительность, когда животное резко реагирует на боль, при чем реакция носит чрезвычайный утомительный характер — собака дергается, вскакивает, кричит. И только в дальнейшем, по мере восстановления чувствительности осязательной, реакция принимает местный характер.

В других опытах академик Орбели перерезал проводники осязательной чувствительности не на периферии, а в спинном мозгу. При этом оказывалось, что те реакции, которые обычно связывают с болью, чрезвычайно усиливались. Любопытно, что, реагируя на такие раздражения, как, например, шипов, животное не обнаруживало никаких признаков способности определить место нанесенного раздражения. Это показывает, что возникающее болевое ощущение является не локализованным.

В заключительной части своего доклада академик Орбели связывает свое учение о роли симпатической нервной системы с проблемой боли. В последние годы работниками школы академика Орбели доказано, какое влияние симпатической нервной системы не только на мышцу, но и на другие ткани и органы, в том числе и на самую центральную нервную систему и органы чувств.

Такое представление делает понятными и чрезвычайно интересными клинические симптомы. При заболевании органов брюшной полости возникает брюшная стенка, обнаруживая крайнюю чувствительность и давление и простому прикосновению, как бы предохраняя таким образом больную орган.

Происхождение этого мышечного напряжения остается загадочным. Теперь, на основании фактов школы академика Орбели, это явление стало понятным. При наличии, допустим, какой-либо в желудке, происходит усиление не только раздражения центральной чувствительной волны, но и раздражения и разветвления симпатической нерва.

Участник конгресса американский ученый профессор Кэмпбелл показал, что при боли в кровь усиленно поступает секрет, выделяемый надпочечными железами, так называемый адреналин. Л. А. Орбели удалось показать, что при болевых реакциях усиливается и гормон, выделяемый задней долей гипофиза (мозгового придатка). Чрезвычайно интересен факт, что выделяемый в кровь адреналин помогает животному переносить боль. Стоит удалить надпочечники, как животное лишается способности переносить болевые раздражения.

Доктор Н. И. НИКИТИН, директор Ленинградского филиала ВИЗМ.

XV международный конгресс физиологов. На снимке (справа налево): академик Л. А. Орбели, старший ассистент Военно-медицинской академии А. В. Тонких и профессор В. И. Войачек слушают доклад на секционном заседании.

ОПЫТЫ КАТО

(По телефону от специального корреспондента «Правды»)

Когда на празднике в Петергофе мимо своих ассистентов прошел профессор Токский университет Като, наши ученые увидели необычную для них вещь: ассистенты встали к нему в строю, пока не прошел учитель. Об этом человеке, окруженном таким феодальным почтением, сегодня говорим весь конгресс.

Задолго до начала опытов новый корпус Всесоюзного института экспериментальной медицины с его многочисленными лабораториями переполнился делегатами. Черные стрелки с английской надписью вешу в дверях, за которыми 5 ассистентов Като готовятся к первой открытой демонстрации. Поруло просмотра установилось текущий. Попадаю за группой длинной вереницей сотни делегатов должны были пройти через 3 комнаты, где последовательно и непрерывно разрабатывались перед ними этапы работы с рассеченным волоком.

Но прежде чем войти в эти дождливые залы, разберемся, в чем основная суть замечательных опытов японского ученого. Проф. Като удалось рассечь нерв на отдельные волокна. Английская кембриджская школа (покойный Кейт Льюис, а сейчас делегат конгресса Эйриш) тоже проводила эту работу, но она не рассеченная, а препарированная под микроскопом, в то время как проф. Като рассечен волоком невооруженным глазом и невооруженной рукой, если не считать препараторский спирт. Это рассеченное волокно живет несколько часов и сохраняет способность реагировать. С ним-то и работал проф. Като два опыта. Один из них — сокращение стигматической и рассеченной разветвлений при раздражении одного и того же волокна (назначе сказать, одновременно возбуждения и торможения) — сегодня нам не показывался.

Другой опыт, и это мы увидели, как будто подтверждает так называемую теорию «все или ничего». Пусть не путаете читатель странности этого доклада. Это и есть одно единственное волокно, вы-

шеленное на пера. Оно поражает своей чистотой, безукоризненностью своей выделки.

Во второй комнате вы можете постоять и подгадать, как это волокно выщипывается. Волокно голубоватых лепных гребней (ведь нужно, чтобы сохранилось волокон живым) терпеливым и почти неподвижным ассистент в белом халате орудуя двумя вращательными иглами. Руки его тоже почти неподвижны. Глядя на него, не видишь их движения. А между тем оно есть, и мельчайшими движениями двигательного усилия рука человека отделяет от нерва едва заметную полосу выточку.

И, наконец, третья комната. Вы уже нетерпеливо ищете героя опытов проф. Като. Где он? На длинном столе аппарат с волокном, и соединенная с ним растянута мышца. Перед мышцей — небольшая шкала с делениями. Аппарат приводится в действие силой руки толкает. Можно поднести к волоку и более слабый, и более сильный ток. Ассистент пробует то один, то другой, но, несмотря на раздражение, мышца никак не реагирует. Это первая половина опыта («ничего»). Вторая, когда вы видите, наконец, того, кто управляет кажущимся движением ассистента. Японский ученый стоит без халата, в европейском костюме, и в руке его — постоянный спутник проф. Като — небольшой деревянный... веер. Веером и глазами, почти без слов и без жеста, объясняет Като свой опыт.

Вот, наконец, найден раздражитель, и мышца резко полетела вверх по шкале, дав высокую точку вылета (физиологический ответ «что-то»), а дальше и пошло и пошло: ассистент менял силу тока словно перебрал клавиши, то повышая, то понижая раздражение, и всякий раз мышца неизменно, как автомат, ползала вверх по шкале до оптимальной высоты («да»).

Мы вышли из комнаты, унося в память непереносимую пластичность этого опыта.

МАРИЭТТА ШАГИНИНА.

Слова в стеклянном аквариуме мы видели изумрудных, словно драгоценными камнями усыпанных лагуны и матово-розовых, подобных нефрит, лаб. Не так удивительны их размеры, как то, что краснотел и добротой выглаживает эти твари, словно выходя из рук художника-ювелира, подобного Бенvenuto Челлини. Вещь Совет знает из этого, как каковы трудностями были этих лагуны на конгрессе.

У нас — микроскоп. Выглянув в него, вы, прищурившись, видите точечные пятнышки — дождевые на синем таракане или смелый узор на зашпательной стене. Это и есть одно единственное волокно, вы-

шеленное на пера. Оно поражает своей чистотой, безукоризненностью своей выделки.

Во второй комнате вы можете постоять и подгадать, как это волокно выщипывается. Волокно голубоватых лепных гребней (ведь нужно, чтобы сохранилось волокон живым) терпеливым и почти неподвижным ассистент в белом халате орудуя двумя вращательными иглами. Руки его тоже почти неподвижны. Глядя на него, не видишь их движения. А между тем оно есть, и мельчайшими движениями двигательного усилия рука человека отделяет от нерва едва заметную полосу выточку.

И, наконец, третья комната. Вы уже нетерпеливо ищете героя опытов проф. Като. Где он? На длинном столе аппарат с волокном, и соединенная с ним растянута мышца. Перед мышцей — небольшая шкала с делениями. Аппарат приводится в действие силой руки толкает. Можно поднести к волоку и более слабый, и более сильный ток. Ассистент пробует то один, то другой, но, несмотря на раздражение, мышца никак не реагирует. Это первая половина опыта («ничего»). Вторая, когда вы видите, наконец, того, кто управляет кажущимся движением ассистента. Японский ученый стоит без халата, в европейском костюме, и в руке его — постоянный спутник проф. Като — небольшой деревянный... веер. Веером и глазами, почти без слов и без жеста, объясняет Като свой опыт.

Вот, наконец, найден раздражитель, и мышца резко полетела вверх по шкале, дав высокую точку вылета (физиологический ответ «что-то»), а дальше и пошло и пошло: ассистент менял силу тока словно перебрал клавиши, то повышая, то понижая раздражение, и всякий раз мышца неизменно, как автомат, ползала вверх по шкале до оптимальной высоты («да»).

Мы вышли из комнаты, унося в память непереносимую пластичность этого опыта.

МАРИЭТТА ШАГИНИНА.

Слова в стеклянном аквариуме мы видели изумрудных, словно драгоценными камнями усыпанных лагуны и матово-розовых, подобных нефрит, лаб. Не так удивительны их размеры, как то, что краснотел и добротой выглаживает эти твари, словно выходя из рук художника-ювелира, подобного Бенvenuto Челлини. Вещь Совет знает из этого, как каковы трудностями были этих лагуны на конгрессе.

У нас — микроскоп. Выглянув в него, вы, прищурившись, видите точечные пятнышки — дождевые на синем таракане или смелый узор на зашпательной стене. Это и есть одно единственное волокно, вы-

шеленное на пера. Оно поражает своей чистотой, безукоризненностью своей выделки.

Во второй комнате вы можете постоять и подгадать, как это волокно выщипывается. Волокно голубоватых лепных гребней (ведь нужно, чтобы сохранилось волокон живым) терпеливым и почти неподвижным ассистент в белом халате орудуя двумя вращательными иглами. Руки его тоже почти неподвижны. Глядя на него, не видишь их движения. А между тем оно есть, и мельчайшими движениями двигательного усилия рука человека отделяет от нерва едва заметную полосу выточку.

И, наконец, третья комната. Вы уже нетерпеливо ищете героя опытов проф. Като. Где он? На длинном столе аппарат с волокном, и соединенная с ним растянута мышца. Перед мышцей — небольшая шкала с делениями. Аппарат приводится в действие силой руки толкает. Можно поднести к волоку и более слабый, и более сильный ток. Ассистент пробует то один, то другой, но, несмотря на раздражение, мышца никак не реагирует. Это первая половина опыта («ничего»). Вторая, когда вы видите, наконец, того, кто управляет кажущимся движением ассистента. Японский ученый стоит без халата, в европейском костюме, и в руке его — постоянный спутник проф. Като — небольшой деревянный... веер. Веером и глазами, почти без слов и без жеста, объясняет Като свой опыт.

Вот, наконец, найден раздражитель, и мышца резко полетела вверх по шкале, дав высокую точку вылета (физиологический ответ «что-то»), а дальше и пошло и пошло: ассистент менял силу тока словно перебрал клавиши, то повышая, то понижая раздражение, и всякий раз мышца неизменно, как автомат, ползала вверх по шкале до оптимальной высоты («да»).

Мы вышли из комнаты, унося в память непереносимую пластичность этого опыта.

МАРИЭТТА ШАГИНИНА.

Слова в стеклянном аквариуме мы видели изумрудных, словно драгоценными камнями усыпанных лагуны и матово-розовых, подобных нефрит, лаб. Не так удивительны их размеры, как то, что краснотел и добротой выглаживает эти твари, словно выходя из рук художника-ювелира, подобного Бенvenuto Челлини. Вещь Совет знает из этого, как каковы трудностями были этих лагуны на конгрессе.

У нас — микроскоп. Выглянув в него, вы, прищурившись, видите точечные пятнышки — дождевые на синем таракане или смелый узор на зашпательной стене. Это и есть одно единственное волокно, вы-

шеленное на пера. Оно поражает своей чистотой, безукоризненностью своей выделки.

Во второй комнате вы можете постоять и подгадать, как это волокно выщипывается. Волокно голубоватых лепных гребней (ведь нужно, чтобы сохранилось волокон живым) терпеливым и почти неподвижным ассистент в белом халате орудуя двумя вращательными иглами. Руки его тоже почти неподвижны. Глядя на него, не видишь их движения. А между тем оно есть, и мельчайшими движениями двигательного усилия рука человека отделяет от нерва едва заметную полосу выточку.

И, наконец, третья комната. Вы уже нетерпеливо ищете героя опытов проф. Като. Где он? На длинном столе аппарат с волокном, и соединенная с ним растянута мышца. Перед мышцей — небольшая шкала с делениями. Аппарат приводится в действие силой руки толкает. Можно поднести к волоку и более слабый, и более сильный ток. Ассистент пробует то один, то другой, но, несмотря на раздражение, мышца никак не реагирует. Это первая половина опыта («ничего»). Вторая, когда вы видите, наконец, того, кто управляет кажущимся движением ассистента. Японский ученый стоит без халата, в европейском костюме, и в руке его — постоянный спутник проф. Като — небольшой деревянный... веер. Веером и глазами, почти без слов и без жеста, объясняет Като свой опыт.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

О НАЧАЛЬНИКЕ МИЛИЦИИ, БЮРОКРАТЕ ЗАМОТАЙЛО И О БЕСПРИЗОРНОМ ПИИТЕЕ ИВАНЕ

Жил-был беспризорный Пийтей По имени Иван. От хлеба шор, от людей. Ходил от голода пьян.

Обычных Пийтей, И не спорил. На завод устроился он. (Но материал: Завод Ильича, Мариупольский район).

Пийтей сорде Не помнит обид, Пийтей доволен собой. Он в столовой ест, В общежитии спит, По душе ему путь трудовой.

Пийтей — удальчик, Все ценит его, Но много у бед путей: Украден влуд паспорт У него, Беспаспортным стал Пийтей.

Известно, беда За бедой идет: Не под силу Пийтею штраф. А двадцать суток принудит — И снова Пийтей без прав.

Опять печалью Сил в юрте, Но суткам не ош, по ней, О заводе забудь, Бродя по мгло От голода волея злей.

И Пийтей судя, И Пийтей гуля: Поддержит рабочий люд! Не ум бюрократ Упрям — беда, Замотайло в милиции лют.

И пийтей Пийтей Письмо в Москву: «Не хочу Замотайло паду. Помогите Пийтею, Трудом живу, Не толкайте на старый путь».

По-моему, вот он, Живой пример, Для всей милиции дан: Где мало думает Милиционер, Там плачет Пийтей Иван.

МИХАИЛ ГОЛОДНЫЙ.

ПИСАТЕЛИ ИЛИ БЕЗДЕЛЬНИКИ?

СВЕРДЛОВСК. (Мор. «Правда»). Чужие дела творятся в среде писателей Свердловска и в его литературно-художественном журнале «Штурм».

В середине июля в редакцию явился «профессор» Астахов, преподаватель литературы, и заявил, что отныне он — редактор журнала. Новый редактор потребовал себе плату материалов за очередной номер и тут же распорядился оставить без работы и выпустить ему, редактору, пятьсот рублей. Следом явился Конахов, назвавшийся заместителем редактора. Его тоже зачислили. Последним пришел Шмаков, которого взяли секретарем.

Новоназначенная редакция приступила к выпуску очередного номера. Им Харитонов, числящийся до этого редактором журнала, ни члены редколлегии ничего не знали о чрезвычайных событиях в стенах редакции «Штурма».

Основными вехами поставили рассказы Морозова-Уральского («Последний рейс», стихи Окипова, статья Лавочкина), Рассказы Морозова «Последний рейс» — откровенный плагиат: Морозов переписал один из рассказов, печатавшихся в «Правде», прибавив к нему от себя лишь... кое-какие рассуждения, которые нельзя никак расценивать, как клевету на партию. Остатки Окипова — упоминание, статья Лавочкина — упоминание.

Откуда же взялись столь замечательные редакторы? Обком партии не утверждал Астахова редактором журнала; Астахов не избирался также ни правлением, ни редколлегией. То же самое приходится сказать и о Конахове. Их назначили единолично заместителем замедующего культурно-образовательной работой в Свердловске, а редактор журнала — в фактически обреченных критических статей. Шмаков изгонялся из среды писателей за контрреволюционные идеи.

Урок лавочного дела (смотри в «Правде» статью С. Розенталя) ничему не научил свердловских писателей. Среди свердловских писателей парит все та же атмосфера разложения, полнейшая, борьба мелких самолюбий, сплетен.

МОЩЕНКО.

ПО СЛЕДЯМ МАТЕРИАЛОВ «ПРАВДЫ»

«НЕУДАВШАЯ ГАСТРОЛЬ»

В фельетоне под таким заголовком «Правда» 9 июля сообщила о том, что партийный комитет Горьковского городского комитета, а также инструктор Горьковского областного комитета партии коммунистов, выехали на партийное хозяйство.

Секретарю парткома Горьковского комитета Киселеву объявлен выговор. Инструктору Новикову поставлено на вид.

«ПАРТИННЫЕ ОБЫВАТЕЛИ»

«Правда» 17 июля в заметке под указанным заголовком сообщила об изобретенных в Черепин (Свердловская область) «новых формах» партийной работы: со- «закрытых партсобраний» с участием жен и даже детей коммунистов. На собрания «изучали» поведение коммунистов в семье и выносили поспешные решения.

Черепинского района признало, что райком допустил «грубейшие извращения указаний партии о внутрипартийной работе».

Решения «семейных партсобраний» отменялись.

А. АГРАНОВСКИЙ.

